

ЭЛОИЗА
ДЖЕЙМС

Герцогиня -
дурнушка

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Eloisa James

THE UGLY DUCHESS

Перевод с английского А. И. Вальтер

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management LLC и Synopsis.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Герцогиня-дурнушка : роман / Элоиза Джеймс ;
[пер. с англ. А. И. Вальтер]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2017. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088313-4

Семь лет назад, после свадьбы, Теодора узнала, что обожаемый супруг Джеймс сделал ей предложение не потому, что полюбил дурнушку за ум, остроумие, доброту и прекрасную душу, а лишь потому, что не знал иного способа помочь отцу-герцогу выпутаться из долгов, и указала мужу на дверь.

Семь лет прошло — и дурнушка, хотя и не стала красавицей, превратилась в одну из самых блестящих, эlegantных и эффектных светских львиц Лондона. О Джеймсе она старается не думать — да и вправду, не достоверны ли слухи о его гибели?

Однако неожиданно Джеймс возвращается — возвращается уже не мальчишкой, но мужчиной, повзрослевшим, многое пережившим и готовым на все, чтобы вернуть ту, которую в действительности так и не переставал любить...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Eloisa James, 2014

© Перевод. А.И. Вальтер, 2015

ISBN 978-5-17-088313-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Часть первая

ПРЕЖДЕ

Глава 1

18 марта 1809 года

Баркли-сквер, 45

Лондонская резиденция герцога Ашбрука

— Ты должен будешь на ней жениться. Меня не волнует, что ты смотришь на нее как на сестру. Впредь она для тебя — Золотое руно.

Джеймс Рейберн, граф Айлей и наследник герцогства Ашбрук, открыл рот, собираясь что-то сказать, но ярость, смешанная с недоверием, сдавила ему горло, не давая вырваться словам.

Его отец повернулся и спокойно прошел к дальней стене библиотеки, словно не сказал только что ничего в высшей степени необычного.

— Нам нужно ее состояние, чтобы привести в порядок Стаффордшир-мэнор и уплатить кое-какие долги, — продолжал отец. — Иначе мы потеряем все, включая и этот городской особняк.

— Что вы натворили?! — со злостью выпалил Джеймс. Жуткое чувство надвигающегося кошмара охватило его.

Ашбрук резко обернулся.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне!

Джеймс сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Он решил, что должен научиться обузывать свой вспыльчивый нрав до того, как ему исполнится двадцать, и от этой даты его отделяли теперь всего лишь три недели.

— Извините меня, отец, — выдал он. — Каким образом получилось, что поместье оказалось в столь бедственном состоянии? Объясните, если можно.

— Нельзя! — Герцог с гневом посмотрел на своего единственного сына. Его орлиный нос, казалось, дрожал от ярости. Неудивительно, что и Джеймс отличался вспыльчивым нравом. Он унаследовал его от своего раздражительного и безответственного отца.

— В таком случае позвольте пожелать вам доброго дня, — сказал Джеймс нарочито ровным тоном.

— Нет! Не позволю! Пока ты не спустишься вниз полюбезничать с этой девушкой. Я отказал на этой неделе Брискотту, просившему ее руки. Он такой простофиля, что я даже не счел нужным сообщить об этом ее матери. Но тебе-то отлично известно, что ее отец предоставил матери решать, за кого выдать дочь...

— Я ничего не знаю о завещании мистера Саксби, — заявил Джеймс. — И я не могу понять, почему именно это условие вызывает у вас такую досаду.

— Потому что нам необходимо ее состояние! — в раздражении воскликнул Ашбрук. Он подошел к камину и пнул сапогом незажженные поленья. — Ты должен убедить Теодору, что влюблен в нее. Иначе ее мать никогда не согласится на ваш брак. Только на прошлой неделе миссис Саксби справлялась о некоторых моих инвестициях совершенно неприемлемым тоном. Женщине положено знать свое место.

— Я не стану делать ничего подобного.

— Ты сделаешь все в точности так, как я тебе указываю!

— Вы вынуждаете меня ухаживать за юной леди, в которой меня всю жизнь учили видеть только сестру.

— Вздор! Может, вы и играли вместе когда-то в детстве, но это не должно помешать тебе переспать с ней.

— Я не могу.

В первый раз лицо герцога обрело сочувственное выражение.

— Что ж, понимаю... Теодора далеко не красавица. Но все женщины одинаковы в...

— Не говорите так! — возмущенно воскликнул Джеймс. — Я и без того уже потрясен вашими словами.

Герцог, прищурившись, взглянул на сына, и на щеках его вспыхнул румянец — верный признак очередной вспышки гнева. И точно — голос Ашбрука превратился в яростный рев:

— Мне плевать, что девчонка страшна как смертный грех! Ты возьмешь ее в жены! Но прежде заставишь ее в тебя влюбиться! В противном случае ты потеряешь поместье! От твоего наследства не останется ничего!

— Что вы натворили? — повторил Джеймс сквозь стиснутые зубы.

— Понес убытки! — выпучив глаза, выкрикнул его отец. — Понес убытки, и это все, что тебе нужно знать!

— Я не стану этого делать. — Джеймс поднялся на ноги.

Массивная фарфоровая статуэтка пролетела мимо его плеча и разбилась о стену, но Джеймс успел уклониться. Он давно уже привык к яростным вспышкам отцовского гнева. Он вырос, постоянно уворачиваясь

от летящих в него всевозможных предметов — от книг до мраморных статуэток.

— Нет, сделаешь! Или я, черт побери, лишу тебя наследства и назначу своим наследником Пинклер-Рейберна!

Джеймс поморщился, чувствуя, что теряет самообладание. Хотя он никогда не испытывал потребности швырнуть что-нибудь в стену или в своего родителя, его способность отпускать язвительные реплики была столь же разрушительной. Он сделал еще один глубокий вдох и проговорил:

— Я сомневаюсь, что вам требуются разъяснения в области законодательства, отец, но все же могу вас заверить, что невозможно лишить наследства законного сына.

— Я заявлю в Палате лордов, что ты не мой ребенок! — проревел герцог. На лбу его вздулись вены, а щеки побагровели. — Я скажу, что твоя мать оказалась приткой шлюхой и я обнаружил, что ты — всего лишь бастард!

При подобном оскорблении его матери хрупкая выдержка Джеймса мгновенно лопнула.

— Может, вы, отец, и трусливый игрок, но вы не станете бесчестить мою мать под жалким предлогом прикрыть собственный идиотизм!

— Как ты смеешь?! — выкрикнул герцог. Его лицо приобрело цвет петушиного гребешка.

— Я сказал только то, что известно каждому жителю этого королевства, — ответил Джеймс; слова яростно срывались с его губ: — Вы идиот! Я прекрасно знаю, что произошло с поместьем. Я просто хотел посмотреть, хватит ли у вас мужества признаться в этом. И у вас не хватило. Ничего удивительного. Вы зало-

жили каждый клочок земли, не входивший в майорат. Остальные земли вы не могли открыто продать, поэтому и просадили все деньги на бирже. Вы вкладывали средства в один нелепый проект за другим. Канал, который вы строили, располагался менее чем в трех милях от другого канала. О чем вы только думали?!

— Я не подозревал об этом, пока не стало слишком поздно. Мои компаньоны обманули меня. Герцогу не пристало ходить и осматривать место, где предполагается строить канал. Он должен доверять компаньонам, и мне всегда чертовски везло, но на сей раз...

— Я бы по меньшей мере посетил место предполагаемого строительства, прежде чем вбухать тысячи фунтов в бесперспективный проект.

— Наглый мальчишка! Да как ты смеешь?! — Пальцы герцога сомкнулись вокруг серебряного подсвечника, стоявшего на каминной полке.

— Только попробуйте бросить, и я оставлю вас одного в этой комнате. Вы хотите женить меня на девушке, которая считает меня братом. Хотите женить для того лишь, чтобы завладеть ее состоянием, которое... Которое вы снова потеряете? Вам известно, как вас называют за вашей спиной, отец? Наверняка вы это слышали. Придурковатый герцог!

Они оба тяжело дышали, но отец пыхтел, как разъяренный бык; багровые пятна на его щеках ярко горели над белоснежным галстуком.

Пальцы герцога сжались еще крепче на серебряном стержне подсвечника.

— Только бросьте его — и я швырну вас через всю комнату, — произнес Джеймс, добавив после небольшой паузы: — Ваша светлость...

Герцог опустил руку и отвернулся, уставившись в стену.

— А что, если и потерял? — пробормотал он со вздохом. — Да, я действительно потерял все. Но канал — это одно, а виноградники... Я думал, что виноградники — верное дело. Как я мог предположить, что почва Англии — рассадник черной гнили, губительной для этих растений?

— Ну и глупец! — выпалил Джеймс и резко развернулся, собираясь уйти.

— Стаффордшир-мэнор принадлежит нашей семье уже шесть поколений, — проговорил герцог. — Ты обязан спасти его. Твоя мать пришла бы в отчаяние, увидев, как его продают. А что до ее могилы... Ты об этом подумал? Ведь кладбище примыкает к часовне, как ты знаешь...

Сердце Джеймса бешено колотилось в груди, и ему потребовалось время, чтобы ответить, не сомкнув при этом пальцы на шее отца.

— Это низко. Даже для вас, — произнес он наконец.

Герцог не обратил внимания на слова сына.

— Ты готов допустить, чтобы тело твоей матери было продано?

Джеймс вздохнул и задумался. Потом проговорил:

— Я готов рассмотреть возможность поухаживать за какой-нибудь другой наследницей. Но я ни за что не женюсь на Дейзи. — Теодора Саксби, известная Джеймсу исключительно как Дейзи, была его близкой подругой с самого детства. — Она заслуживает лучшей участи.

В комнате воцарилась тишина. Настолько ужасная и настораживающая, что Джеймс... Он пристально посмотрел на отца.

— Нет, вы не могли этого сделать. Неужели вы...

— Я думал, что сумею все возместить за несколько недель, — сказал отец. Внезапно краски покинули его щеки, и он побледнел как полотно.

Мгновенно ощутив слабость в ногах, Джеймс оперся о косяк двери.

— Как много вы потратили из ее состояния?

— Достаточно. — Ашбрук потупил глаза, выказав наконец некоторые признаки стыда. — И если она выйдет замуж за кого-то еще, то я... я предстану перед судом. Правда, не знаю, смогут ли они привлечь к суду герцога. Палата лордов, я имею в виду. Но добром это не кончится.

— О, они прекрасно могут отдавать герцогов под суд! — с гневом произнес Джеймс. — Вы промотали приданое девушки, вверенной вашему попечению с младенчества. Ее мать была женой вашего близкого друга. Саксби на смертном одре попросил вас позаботиться о его дочери.

— И я о ней заботился, — пробормотал отец. — Растил ее как родную.

— Да, верно. Вы растили ее как мою сестру. — Джеймс пересек комнату и снова сел. — И все это время вы обворовывали ее.

— Не все время, — возразил его отец. — Только последний год. Или около того. Большая часть ее состояния вложена в государственные ценные бумаги, и я не мог их тронуть. Я только... только одолжил, то есть немного позаимствовал. Мне чертовски не везло последнее время — это факт. Но я был абсолютно уверен, что до этого не дойдет.

— Не везло? — переспросил Джеймс голосом, полным отвращения.

— Теперь девушка уже получила предложение или два. У меня нет времени возместить все. Ты должен на ней жениться. И не только для того, чтобы сохранить поместье и этот дом. Если разразится скандал, наше имя будет опозорено. Даже если я верну то, что позаимствовал у нее, продав поместье, — это все равно не покроет моих долгов.

Джеймс ничего не ответил. Единственные слова, которые приходили ему на ум, были откровенно кощунственными.

— Было проще, когда твоя мать была жива, — продолжал герцог, немного помолчав. — Она помогала, ты ведь знаешь... У нее была светлая голова. Она была на редкость рассудительной женщиной.

Джеймс не смог заставить себя ответить и на этот раз. Его мать умерла девять лет назад. И меньше чем за десяток лет его отец умудрился разорить обширные владения, простиравшиеся от Шотландии до Стаффордшира и Лондона. И присвоил состояние Дейзи.

— Ты заставишь ее влюбиться в тебя, — сказал отец, опускаясь в кресло напротив Джеймса. — Она уже обожает тебя. Всегда обожала. Нам повезло, что бедняжка Теодора страшна как смертный грех. Все, кто просил ее руки, были настолько очевидными охотниками за приданым, что ее мать даже не рассматривала их предложения. Но с продолжением сезона все изменится. Она весьма милая и обаятельная малышка, если узнать ее поближе.

Джеймс заскрежетал зубами.

— Она никогда в меня не влюбится. Она видит во мне своего брата, друга. И она отнюдь не тупица.

— Не будь дураком, Джеймс. Ты похож на меня. А твоя мать всегда говорила, что я — самый красивый мужчина своего поколения.

Джеймс прикусил язык, чтобы сдержать язвительное замечание, и со вздохом проговорил:

— Мы можем рассказать Дейзи о том, что случилось и что вы натворили. Она поймет.

Отец насмешливо фыркнул:

— Ты думаешь, ее мать это поймет? Мой старый друг Саксби не знал, во что впутался, когда женился на этой женщине. Она ужасно сварливая, эта мегера. Настоящая фурия.

В течение всех семнадцати лет, что миссис Саксби и ее дочь провели в семье герцога, им с Ашбруком удавалось поддерживать сердечные отношения главным образом потому, что его светлость никогда не позволял себе каких-либо выпадов в сторону вдовы.

Но Джеймс сразу же понял, что отец прав. Если мать Дейзи заподозрит, что опекун дочери растратил ее наследство, целая армия стряпчих будет колотить в дверь их лондонского особняка еще до наступления вечера. При этой мысли у Джеймса желчь поднялась к самому горлу.

Его отец, напротив, приободрился. Он относился к тому типу людей, мысли которых с легкостью порхают с одного предмета на другой. Его ярость бывала сокрушительна, но недолговечна.

— Несколько стишков, может, поэма — и Теодора свалится в твои объятия, как спелая слива. В конце концов, эта девушка слышала не так уж много льстивых заверений. Скажи ей, что она прекрасна, и она будет у твоих ног.

— Я не могу этого сделать, — заявил Джеймс, не потрудившись даже вообразить себя говорящим что-либо в этом роде. И дело не в том, что ему не хотелось произносить перед Дейзи подобные глупости. Просто он не терпел ситуаций, в которых мог бы оказаться в неловком положении — как, например, в бальном зале. С начала сезона прошло уже три недели, а он еще ни разу не побывал ни на одном балу.

Но отец, неправильно истолковавший его отказ, проговорил:

— Конечно, тебе придется лгать насчет этого, но такого рода лжи джентльмен не может избежать. Возможно, она не самая красивая девушка на ярмарке невест и определенно не так восхитительна, как та балерина, с которой я видел тебя как-то вечером, но это не должно тебя смущать. — При этих словах из горла отца вырвался легкий смешок.

Но Джеймс почти не слышал его; стараясь сдерживать тошноту, он думал о своем.

А герцог между тем продолжал:

— В качестве компенсации ты можешь содержать любовницу, разумеется, более красивую, чем твоя жена. Это создаст весьма любопытный контраст.

У Джеймса промелькнула ужасная мысль, причем уже не в первый раз... То была мысль о том, что в мире не отыщется человека, которого он ненавидел бы сильнее, чем своего отца.

— Если я женюсь на Дейзи, то не стану заводить любовницу, — заявил он решительно. — Я никогда не поступлю так с ней.

— Ну... что ж, полагаю, ты изменишь свое мнение на сей счет после нескольких лет брака. Впрочем,

каждому свое. Так как же, Джеймс? И вообще, разве тут есть над чем раздумывать? Вряд ли у нас есть выбор. Хорошо, что мужчина всегда может исполнить свою роль в спальне, — даже если он этого не хочет.

Единственное, чего хотел Джеймс в данный момент, — так это немедленно выскочить из комнаты, чтобы избежать отвратительных объяснений с отцом. Но он проиграл эту битву и вынужден был выдвинуть условия капитуляции.

— Хорошо, я пойду на это, но только при одном условии, — проговорил Джеймс, не узнавая собственный голос.

— Что угодно, мой мальчик! Что пожелаешь! Я ведь понимаю, что требую от тебя жертвы. Как я уже сказал, мы можем признать между нами, что малышка Теодора — далеко не красавица.

— В тот день, когда я женюсь на ней, вы перепишите на меня все имущество — дом в Стаффордшире с его землями, этот городской особняк и остров в Шотландии.

У герцога отвисла челюсть.

— Что?!

— Все имущество, — повторил Джеймс. — Я буду выплачивать вам содержание, и об этом никто не будет знать, кроме поверенного. Но я не хочу нести ответственность за вас и ваши безрассудные идеи. Я никогда больше не стану покрывать ни долги, в которые вы можете влезть, ни любую растрату. В следующий раз вы отправитесь в тюрьму.

— Это абсурд... — пробормотал отец. — Я не могу... ты не можешь... Нет!

— Тогда попрощайтесь со Стаффордширом, — заявил Джеймс. — Можете специально съездить на могилу моей матери, раз вы так уверены, что она расстроилась бы из-за продажи дома, не говоря уже о кладбище.

Герцог открыл было рот, но Джеймс остановил его, подняв руку:

— Если бы я позволил вам оставить себе поместье, вы бы растратили наследство Дейзи вдобавок ко всему, что уже потеряли. Вы бы спустили все за два года, а я бы предал моего близкого друга без всякого толку.

— Твоего близкого друга, э-э?.. Видишь ли, Джеймс, у меня никогда не было друзей женщин, но Теодора... Хм... конечно, она выглядит как мужчина и...

— Отец!

Герцог насмешливо хмыкнул.

— Не могу сказать, Джеймс, что мне нравится твоя манера перебивать меня. И если я соглашусь на твое смехотворное предложение, то мне, наверное, следует ожидать каждодневных унижений. — Это была скрытая капитуляция, и отец, широко улыбаясь, добавил: — Вот и хорошо, что разговор окончен. Твоя мать всегда говорила так: «Все хорошо, что хорошо кончается».

И тут Джеймс, не удержавшись, задал еще один вопрос:

— Неужели вас ничуть не заботит, что вы делаете со мной... и с Дейзи?

Легкий румянец снова выступил на щеках отца.

— Девочка не могла бы поступить лучше, чем выйти за тебя!

— Дейзи выйдет за меня замуж, полагая, что я влюблен в нее. Но это не так. Она заслуживает того, чтобы за ней ухаживали и чтобы муж любил ее искренне.

— Любовь и брак — не одно и то же, — заявил отец и тут же отвел глаза.

— Да, верно, любовь и брак не всегда сочетаются, но вы-то совсем не оставили мне выбора. Более того, я вынужден начать свой брак со лжи, что непременно разрушит его, если Дейзи когда-нибудь об этом узнает. Вы осознаете это? И если она узнает, что я предал ее таким бессердечным образом... Тогда не только наш брак, но и наша дружба закончится.

— Уж если ты действительно думаешь, что она рассердится, то лучше сделай себе наследника в первые же несколько месяцев, — сказал герцог с видом человека, дающего дельный совет. — Женщина может отнестись к тебе с презрением — и все такое... И если она и впрямь сильно разозлится, то может даже сбежать с другим мужчиной. Но когда у человека уже есть наследник... Ха, тогда пусть уходит!

— Моя жена никогда не сбежит с другим мужчиной! — невольно выпалил Джеймс. — Жены сбегают только от таких болванов, как вы!

Герцог, снова побагровев, вскочил на ноги.

— Ты посмел назвать меня болваном?! Что ж, я скажу тебе то же самое. Ни один мужчина в здравом уме не думает, что брак — это повод нежничать и целоваться. Мы с твоей матерью поженились по разумным причинам, связанным с семейными обязательствами и финансовыми соглашениями. Мы сделали все, что было необходимо, чтобы получить тебя, и на этом остановились. Твоя мать не смогла выдержать усилий, требуемых для появления запасного наследника, но мы не стали лить слезы по этому поводу. Ты всегда был здоровым мальчишкой. Исключая то время, конечно, когда ты едва не ослеп. Но